

**ПЕРСОНОЛОГИЯ И. А. ГОНЧАРОВА:
ПРОБЛЕМА САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ
В ПЕРВОЙ ЧАСТИ РОМАНА «ОБЛОМОВ»**

В статье исследуются этико-философский и психологический аспекты проблемы человека в романе И. А. Гончарова «Обломов». В композиционной логике первой части романа обнаруживается последовательное углубление проблемы самоидентификации главного героя, в повествовании формулируются важнейшие авторские воззрения на роль и место человека в мире.

Ключевые слова: личностное самоопределение, этическое мировоззрение, духовная биография, ответственность, выбор.

Первая часть романа И. А. Гончарова «Обломов» функционально осуществляет введение в его этико-философскую проблематику и психологическое пространство. В одиннадцати главах первой части, не говоря уже о широко прокомментированном в науке относительно самостоятельном фрагменте «Сон Обломова» (гл. IX) (см.: [Краснощекова, 1997. С. 251–270; Отрадин, 1994. С. 72–93; Ляпушкина, 1992; Матлин, 2003; Пырков, 2003; Бёмиг, 1994] и др.), содержится, помимо наброска духовной биографии главного действующего лица, персонологическая программа всего романа. Уточним: в литературоведении персонология – это философия человека, сложившаяся в творческом сознании какого-либо писателя, осуществленная в творческой деятельности как в системно-философском единстве, так и в формально-поэтической целостности. Редуцируя это высказывание, получим определение: «идея о человеке и дискурс человека в художественном мире произведения».

В настоящей статье мы занимаемся исследованием персонологической составляющей поэтики первой части романа «Обломов», оставляя за скобками богатейший с точки зрения гончаровской «мифологии» человека «Сон Обломова». С одной сторо-

ны, это вызвано форматом научной статьи, требующим монологического исследования предмета, а с другой – подходом к персонажной композиции первой части, моделирующей бытийную и социальную тождественность человека в динамике настоящего момента романного времени.

Наиболее ценными с точки зрения персонологии Гончарова в первой части романа «Обломов», на наш взгляд, являются I–VI и VIII главы. Композиционно эти главы составляют чередование сцен приема визитеров (I–IV), историю взросления и становления главного персонажа (V–VI) и идеологической монолог Обломова о «*других*» (VIII).

Психологический портрет Обломова (гл. I) вводит в концептосферу романа антропологические мотивы-концепты «мысль» и «душа», а также один из ведущих мотивов всего творчества Гончарова – мотив неподвижности, покоя. Противоположный ему мотив движения связан в поэтике романа с Ольгой Ильинской и Штольцем. В первых главах, как мы убедимся, мотив движения трансформируется в мотив псевдодвижения, что обеспечивает образу Обломова этическую правоту. Отметим также в облике Обломова его «сращенность» с «оболочкой» – шлафроком; «*настоящий восточный ха-*

лат» и «длинные, мягкие и широкие», ассоциирующиеся с негой Востока туфли непосредственно примыкают к психологическому портрету героя: «*Это был человек лет тридцати двух-трих от роду, среднего роста, приятной наружности, с темно-серыми глазами, но с отсутствием всякой определенной идеи... в чертах лица. Мысль гуляла вольной птицей по лицу <...>, потом совсем пропадала, и тогда во всем лице теплился ровный свет беспечности. С лица беспечность переходила в позы всего тела, даже в складки шлафрока. <...> ни усталость, ни скука не могли ни на минуту согнать с лица мягкость, которая была господствующим и основным выражением не лица только, а всей души; а душа так открыто и ясно светилась в глазах, в улыбке, в каждом движении головы, руки. <...> Если на лицо набегала из души туча заботы, взгляд туманился, на лбу являлись складки, начиналась игра сомнений, печали, испуга <...> Вся тревога разрешалась вздохом и замирала в апатии и дремоте» [Гончаров, 1979. Т. 4. С. 7–8]¹. Вещи как продолжение облика хозяина обнаруживают отсутствие движения в доме и охватившую живущих в нем людей «бездонную лень»²: «желание кое-как соблюсти *decorum* неизбежных приличий, лишь бы отделаться от них»; «все... запылилось, полиняло и вообще лишено было живых следов человеческого присутствия» (С. 9). Вслед за вещами в фокусе авторского взгляда появляется Захар – продолжение и своего рода демиург этого микромира, ведь из препирательства слуги с барином следует, что именно Захар так запустил комнату. Таким образом, в первой главе выстраивается своеобразная система отражений главного персонажа – в вещах, интерьере и одичавшем Захаре («*Ну, брат, ты еще больше Обломов, нежели я сам*» (С. 14–15)). Локус героя поглощает всякое проявление жизненной энергии – и это «затухание» жизни в пространстве Обломова вступает в противо-*

речие с «открытостью и ясностью» его души – животворного начала всякой личности (см.: [Степанов, 2004. С. 736–740; Урысон, 2003. С. 21–27]).

Во второй и третьей главах Обломова посещают его знакомые, каждый из которых по-своему эмблематично представляет определенный стиль жизни. Первый посетитель – Волков – светский человек, кружащийся в вихре удовольствий. Обломов реагирует на приглашения Волкова в модные дома одинаково: ему скучна поверхностная жизнь света. «– *У Муссинских? Помилуйте, да там полгорода бывает. <...> Это такой дом, где обо всем говорят. – Вот это-то и скучно, что обо всем, – сказал Обломов. – Ну, посетайте Мездровых <...> там уж об одном говорят, об искусствах <...> – Век об одном и том же – какая скука! Педанты, должно быть!* – сказал, зевая, Обломов. <...> *И вам не лень мыкаться изо дня в день?»* (С. 21). После того как Волков удалился, Обломов размышляет: «*В десять мест в один день – несчастный! <...> И это жизнь! <...> Где же тут человек? На что он раздробляется и рассыпается? Конечно, недурно заглянуть в театр и влюбиться в какую-нибудь Лидию <...> да в десять мест в один день – несчастный!*» – заключил он, перевертываясь на спину и радуясь, что нет у него таких пустых желаний и мыслей, что он не мыкается, а лежит вот тут, сохраняя свое человеческое достоинство и свой покой» (С. 23).

Затем Обломова навещает преуспевающий чиновник Судьбинский, и вновь следует рассуждение героя о том, что «*как мало тут человека-то нужно: ума его, воли, чувства – зачем это?»* (С. 27). Обломов, не принадлежащий к бюрократическому сообществу, определяет основное преимущество своей свободы от него: это возможность дать «простор его чувствам, воображению» (С. 27). В сферу художественной антропологии романа вводится необычайно важная для Обломова координата «внутренней жизни» – чувства (и, соответственно, его «органа» – сердца и сердечности как необходимого качества человека)³.

Когда же приходит литератор «обличительного» направления Пенкин, настойчиво

¹ В дальнейшем ссылки на этот том приводятся в круглых скобках, с указанием страницы.

² «Воплощение сна, застоя, неподвижной, мертвой жизни – *переполнение изо дня в день* – в одном лице и в его обстановке было всеми найдено верным <...> я закончил *вторую* картину русской жизни, Сна, нигде не пробудив самого героя *Обломова*. Только Штольц время от времени подставлял ему зеркало обломовской бездонной лени, апатии, сна» («Лучше поздно, чем никогда») [Гончаров, 1980. Т. 8. С. 113]. Здесь и далее в цитатах курсив автора настоящей статьи.

³ О корреляции «сердца», как средоточия этических предпочтений, со стихией чувств в «наивной анатомии» человека см.: [Урысон, 2003. С. 26–27].

рекомендуя Обломову прочесть очереднойopus, в котором «обнаружен весь механизм нашего общественного движения», Обломов вдруг начинает сопротивляться и требовать «гуманитета»: «...изобрази вора, падшую женщину, надутого глупца, да и человека тут же не забудь. Где же человечность-то? <...> Вы думаете, что для мысли не надо сердца? Нет, она оплодотворяется любовью. Протяните руку падшему человеку <...> Любите его, помните в нем самого себя и обращайтесь с ним, как с собой <...> Человека, человека давайте мне! <...> любите его...» (С. 29–30). Обратим внимание на эмотивность высказывания Обломова. Прагматически это выглядит как риторический жест: «воспламенившись», «вдохновенно» и «встав» – «почти крикнул» (С. 29–30), причем автор указывает на необычность такого поведения своего героя: «вдруг воспламенившись», «вдруг заговорил вдохновенно». Впрочем, так же неожиданно Обломов возвращается к привычной ему апатии: «Он вдруг смолк <...> и медленно лег на диван» (С. 30). Протест Обломова против «социологической» модели человека обусловлен тем, что сущность человека лежит вне и выше социально-маркированных и особенно социально дискриминирующих конвенций не только литературы, но и социума в целом. Требование представить «человека» непременно соотносится с условием любви к нему. Так все более настойчиво утверждается Обломовым приоритет «сердца» перед другими качествами человеческого существа⁴.

Следующий приятель Обломова – человек настолько стремящийся ускользнуть от собственной индентичности, что он теряет и имя – главное, номинативное и онтологическое, отличие от других⁵. «Вошел человек

неопределенных лет, с неопределенной физиономией, в такой поре, когда трудно бывает угадать лета; не красив и недурен, не высок и не низок ростом, не блондин и не брюнет. Природа не дала ему никакой резкой, заметной черты, ни дурной, ни хорошей. Его многие называли Иваном Ивановичем, другие – Иваном Васильичем, третьи – Иваном Михайлычем. Фамилию его называли тоже различно: одни говорили, что он Иванов, другие звали Васильевым или Андреевым, третьи думали, что он Алексеев» (С. 31–32). Васильев-Андреев-Алексеев полностью утратил индивидуальность: он не оставляет ни зрительного, ни вербального, ни ментального «следа» в восприятии окружающих. «Постороннему, который увидит его в первый раз, скажут имя его – тот забудет сейчас, и лицо забудет; что он скажет – не заметит. Присутствие его ничего не придаст обществу, так же как отсутствие ничего не отнимет от него. Остроумия, оригинальности и других особенностей, как особых примет на теле, в его уме нет» (С. 32).

Этот «протеистический» персонаж, готовый принять какую угодно персональную форму в зависимости от коммуникативной ситуации, представляет собой как бы абсолютное значение человеческой элиминации в персонологии романа «Обломов». Обломовские поиски человека в том ограниченном, но репрезентативном с точки зрения «человековедения» пространстве, которое он воспринимает, в фигуре Алексеева получают печальное завершение.

Тихому Алексею в романе противопоставлен шумный и бесцеремонный Тарантьев, чья жизненная история изложена в третьей главе. Тарантьев «был взяточник в душе <...> в кругу своих знакомых он играл роль большой сторожевой собаки, которая лает на всех, не дает никому пошевелиться, но которая в то же время непременно схватит на лету кусок мяса, откуда и куда бы он ни летел» (С. 42). Этот человек, единственный, кого автор «удостаивает» сравнения с животным, и противопоставлен безликому Алексею, и сближается с ним по признаку «непроявленной» человечности. Более того, именно он и Алексеев, «эти два русских пролетария», составляли ближай-

⁴ «И. А. Гончаров обнаруживает в своих героях возможность сердечной жизни, выносящей за скобки регулирующие способности рассудка, и тем самым “долг” обнаруживает себя в работе “осердеченного ума”. Настойчивые поиски Гончаровым прагматических устремлений ума и “золотого сердца” приводят писателя к совершенно оригинальной концепции жизни. Его психологизм направлен на улавливание моментов “осердеченного ума”, пребывания его в гармонии с “умным сердцем» [Буланов, 1992. С. 156].

⁵ «...Именем выражается тип личности, онтологическая форма ее, которая определяет далее ее духовное и душевное строение. Имена выражают типы бытия личностного. Это – последнее из того, что еще выразимо в слове, самое глубокое из словесного <...> Имя есть последняя выразимость в слове начала лич-

ного <...> наиболее адекватная плоть личности» [Флоренский, 2009. С. 163].

ший круг Обломова в отсутствие Штольца. С Тарантьевым, привносившим в его сонное существование «жизнь, движение, а иногда и вести извне», он мог имитировать свою сопричастность внешней жизни: «Обломов мог слушать, смотреть, не шевеля пальцем, на что-то бойкое, движущееся и говорящее перед ним» (С. 43). Отметим деперсонифицирующее местоимение «что-то», переводящее предмет наблюдений Обломова в разряд неодушевленных. Алексеев оставался идеальным слушателем и... тоже, скорее, предметом обстановки, нежели живым человеком: «Если он (Обломов. – Л. С.) хотел жить по-своему, то есть лежать молча, дремать или ходить по комнате, Алексеева как будто не было тут: он тоже молчал, дремал или смотрел в книгу <...> Если же Обломову наскучивало быть одному и он чувствовал потребность выразиться <...> тут был всегда покорный и готовый слушатель и участник, разделявший одинаково согласно и его молчание, и его разговор...» (С. 43).

Волков, Судьбинский, Пенкин и Тарантьев представляют собой начало псевдодвижения, того не имеющего подлинного онтологического смысла перемещения – в светской или служебной среде, в литературных кругах, в маргинально-служебных и домашних делах, – которое не ценится Обломовым с его требованием «гуманитета». Во всех формах этого суетливого проживания жизни Обломову видится утраченное величие человека, его неподлинность, суррогатность. По замечанию И. Ф. Анненского, в Обломове «останется... веками выработанное ленивое, но упорное сознание своего достоинства <...> крепко сидящее сознание независимости» [1991. С. 229]. Критик рассматривал личность Обломова в культурно-исторической парадигме, называя его «консерватором всем складом, инстинктом и устоями», живущим «медленным, историческим ростом» [Там же]. Однако первичным в структуре образа Обломова представляется не инерция культурно-исторического самоопределения, а личностная свобода, одно из главных условий гармонического существования. Наблюдая «раздробление» человека в десяти делах, Обломов отвергает его не столько из чувства самосохранения, символически выраженного в его знаменитом халате, в который можно было «дважды завернуться», сколь-

ко по причине забвения человеком его высшей сущности – души. Ситуацию мнимого диалога Обломова с его собеседниками Е. Г. Эткинд назвал «взаимонепониманием», ведущим, в конце концов, к «непониманию себя» (см.: [Эткинд, 1999. С. 131–147]).

Е. А. Краснощекова, определяя роман «Обломов» как роман испытания, генетически связанный с романом воспитания (см.: [Краснощекова, 1997. С. 221–356]), главным мотивом в психологической биографии Обломова (гл. V–VI) считает мотив преждевременного угасания [Там же. С. 243–249]. Действительно, история жизни Обломова, приведенная в этих двух главах, выстроена как постепенное «сворачивание» личности до крошечного места на диване. Общие для всех молодых людей мечты о «поприще», «роли в обществе» оставили Обломова, а «лучи глаз сменились тусклыми точками» (С. 57). «В первые годы пребывания в Петербурге <...> покойные черты лица его оживлялись чаще, глаза подолгу сияли огнем жизни, из них лились лучи света, надежды, силы» (С. 60), но их сменили «страх и тоска на службе» (С. 59), а затем и вовсе Обломов «открыл, что горизонт его деятельности и жителя-бытия кроется в нем самом» (С. 65); он «любил уходить в себя и жить в созданном им мире» (С. 67). Мировосприятие Обломова сближается с мировосприятием погруженного в свой фантастический мир типа «мечтателя», наиболее ярко представленного в творчестве Достоевского. «Всечеловеческое» и «личное» в обломовских мечтах причудливо переплетены, утопизм сознания не исключает наивной героизации собственного вымышленного облика, по сути, романтически эгоцентричной. Так, «он не чужд был всеобщих человеческих скорбей. Он горько в глубине души плакал в иную пору над бедствиями человечества, испытывал безвестные, безыменные страдания, и тоску, и стремление куда-то вдаль, туда, вероятно, в тот мир, куда увлекал его, бывало, Штолец...» (С. 67). Вместе с тем Обломов «любит вообразить себя иногда каким-нибудь непобедимым полководцем, перед которым не только Наполеон, но и Еруслан Лазаревич ничего не значит; выдумает войну и причину ее: у него хлынут, например, народы из Африки в Европу, или устроит он новые крестовые походы и воюет, решает участь народов, разоряет города, щадит, казнит, оказыва-

ет подвиги добра и великодушия. Или избрет он арену мыслителя, великого художника: все поклоняются ему; он пожинает лавры; толпа гоняется за ним...» (С. 68). Разрыв «героя» и «толпы» в романтических мечтаниях Обломова проецируется в действительности на те ментальные границы, которыми мечтатель ограждает от себя «других».

Обломовская философия о «других» составляет идеологический сюжет восьмой главы. Обсуждается неизбежный переезд на другую квартиру. Захар затрагивает запретную, с точки зрения его барина, тему «других»: «Я думал, что другие, мол, не хуже нас, да переезжают, так и нам можно...» (С. 90). «Здравый смысл» верного слуги заставляет Обломова привстать (несколькими минутами ранее он принял привычную ему «защитную» позу: «положил обе руки на голову, сжался на стуле в комок и так сидел, никуда не глядя, ничего не чувствуя» (С. 87)) – так же, как в эпизоде с литературным маргиналом Пенкиным. Обломов «вникнул в глубину этого сравнения», узнав, что для Захара он не уникален, не единственен. Мысль Обломова достигает экзистенциально-философских высот. Сначала он упрекает Захара с социально-инерционных позиций «обломовщины» – «другим» не свойственно самоощущение человека, опирающегося на многие поколения людей, для которых «другие» работали (С. 90–94), затем устремляется к размышлениям о предназначении человека в целом. «Настала одна из ясных сознательных минут в жизни Обломова. Как страшно стало ему, когда вдруг в душе его возникло живое и ясное представление о человеческой судьбе и назначении, и когда мелькнула параллель между этим назначением и собственной его жизнью <...> и зависть грызла его, что другие так полно и широко живут, а у него как будто тяжелый камень брошен на узкой и жалкой тропе его существования. <...> А между тем он болезненно чувствовал, что в нем зарыто, как в могиле, какое-то хорошее, светлое начало, может быть, теперь уже умершее <...> Но глубоко и тяжело завален клад дрянью, наносным сором. Кто-то как будто украл и закопал в собственной его душе принесенные ему в дар миром и жизнью сокровища» (С. 99). Обломов, сам того не ведая, постулирует основной принцип христианской антропологии. Божий мир совер-

шенен, несовершенен лишь человек – но исключительно по своей вине. Право свободного выбора добра или зла остается за человеком и требует осознанного решения (см.: [Лосский, 1991. С. 244–249]). Равнодушие к дару Божьему порождает преждевременное «замирание» («умирание») души. Именно в следующей главе Илья Ильич видит сон, возвращающий его в состояние «ангельской» невинности, и именно пробуждаясь ото сна, встречает приехавшего Штольца. Начинается вторая часть романа – история «возрождения» Обломова.

Таким образом, в первой части романа И. А. Гончарова «Обломов» исследуется проблема самоотождествления человека с окружающим его миром, его этическая природа и в целом – проблема места человека в мироздании. В духовной ситуации Обломова утверждается составляющее суть персонализма «основное и центральное положение личного бытия в составе мира» [Лосский, 1994. С. 284]. Центральный персонаж романа остается единственным человеком, способным преодолеть прагматические способы существования, присущие остальным участникам сюжетного действия. Личностная цельность Обломова, сохранение им, даже в процессе «угасания», инстинкта «сердца», свидетельствует о его – и подразумеваемой стоящей за ним всеобщей – способности к восстановлению. В этом случае границы мира и границы личности совпадут в гармоническом единстве.

Список литературы

- Анненский И. Ф. Гончаров и его Обломов // Роман И. А. Гончарова «Обломов» в русской критике. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. С. 210–231.
- Бёминг М. «Сон Обломова»: апология горизонтальности // И. А. Гончаров: Материалы конференции, посвященной 180-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск: Стержень, 1994. С. 26–37.
- Буланов А. М. «Ум» и «сердце» в русской классике: соотношение рационального и эмоционального в творчестве И. А. Гончарова, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого. Саратов, 1992. 158 с.
- Краснощекова Е. А. И. А. Гончаров: мир творчества. СПб.: Пушкинский фонд, 1997. 496 с.

Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М.: Центр «СЭИ», 1991. 288 с.

Лосский Н. О. Бог и мировое зло. М.: Республика, 1994. 432 с.

Ляпушкина Е. И. Идиллические мотивы в русской лирике начала XIX века и роман И. А. Гончарова «Обломов» // От Пушкина до Белого. Проблемы поэтики русского реализма XIX – начала XX века. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1992. С. 102–117.

Матлин М. Г. Поэтика сна в романах Гончарова // И. А. Гончаров. Материалы международной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск: Изд-во «Корпорация технологий продвижения», 2003. С. 26–37.

Отрадин М. В. Проза И. А. Гончарова в литературном контексте. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1994. 168 с.

Пырков И. В. «Сон Обломова» и «Щит Ахилла» (гомеровские мотивы в поэтике И. А. Гончарова) // И. А. Гончаров. Материалы международной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск: Изд-во «Кор-

порация технологий продвижения», 2003. С. 66–72.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академ. проект, 2004. 992 с.

Урысон Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира: аналогии в семантике. М.: Языки славянской культуры, 2003. 224 с.

Флоренский П. А. Иконостас. Имена. М.: АСТ МОСКВА, 2009. 318 с.

Эткинд Е. Г. «Внутренний человек» и внешняя речь. Очерки психоэтики русской литературы XVIII–XIX вв. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. 448 с.

Список источников

Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М.: Худож. лит., 1979. Т. 4: Обломов. Роман в четырех частях. 534 с.

Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М.: Худож. лит., 1980. Т. 8: Статьи, заметки, рецензии, письма. 559 с.

Материал поступил в редколлегию 28.11.2011

L. N. Sinyakova

GONCHAROV'S PERSONOLOGY: THE PROBLEM OF SELF-IDENTIFICATION AT THE 1st PART OF THE NOVEL «OBLMOV»

The article regards with the main philosophical and psychology aspects of human being at Goncharov's novel «Oblovov». The composition of the 1st part of the novel demonstrates some deeper levels of the problem either the author's credo is revealed in the thoughts of the hero about the person's role and place in the world.

Keywords: self-identification, an ethic philosophy, the mental biography, charge, choice.